

24 ЯНВ. 1969

г. Ташкент

Газета №

тип. ММФ 2192

Для советского театра достойно встретить ленинский юбилей — значит всемерно обогащать сценическую ленинскую и создавать новые произведения о наших героических современниках, продолжающих дело Ленина и прославляющих в веках его имя.

Театры Узбекистана имеют известный опыт воплощения образа Ленина. Можно надеяться, что 1969 год, непосредственно предшествующий столетию со дня рождения Владимира Ильича, принесет новые художественные открытия. С тем большим интересом и требовательностью мы подходим к каждой попытке решения этой сложной политической, нравственной и эстетической задачи.

В 1968 году Академический театр драмы имени Хамзы показал пьесу Р. Ишмуратова «Буре навстречу», поставленную режиссером Н. Атабаевым.

Я хотел бы присоединиться к мнению Н. Зайцева, который в капитальном исследовании «Правда и поэзия ленинского образа» однажды упомянул пьесу Ишмуратова в связи с произведениями, для которых характерна «иллюстративность обрисовки Ленина». Критик справедливо усматривает в этом опасность «девальвации» темы. Я пишу об этом, так как хочу предостеречь и наших драматургов, и наши театры, и критику от снижения взыскательности в создании и оценке произведений, посвященных этой большой и волнующей теме.

Что касается принципов подхода театра имени Хамзы к сценическому воплощению пьесы и некоторых итогов этой работы, то в них содержатся поучительные уроки.

Как известно, действие в «Буре навстречу» происходит в тот период жизни Владимира Ульянова, о котором в «Кратком биографическом очерке» сказано:

«Окончив гимназию с золотой медалью, он в августе 1887 года поступил на юридический факультет Казанского университета. В университете молодой Ульянов установил связи с передовыми, революционно настроенными студентами. В начале декабря 1887 года за активное участие в студенческой сходке он был исключен из университета и арестован... Так семнадцатилетним юношей Ленин вступил на путь революционной борьбы против царского самодержавия».

Но театр рассказал нам не только об этом — он попытался осветить нравственно-человеческие стороны формирования юного Ленина, раскрыть жизненные истоки этого формирования, выявить через психологию персонажей, составляющих окружение Ильича, сложные и противоречивые конфликты эпохи, к которой относится действие.

Не впервые узбекский те-

СТРАНИЦЫ ЛЕНИНИАНЫ

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

атр обращается к образу юного Ленина. Доказанский период жизни Ильича в Симбирске, как известно, отражен в драме И. Попова «Семья». Начиная с 1952 года, она прошла в ряде узбекских театров. И хотя успех постановок в какой-то мере был предопределен самой темой, творческие итоги каждой из них были далеко неравноценны.

Первый узбекский исполнитель роли юного Володи Ульянова — М. Юсупов (театр имени Хамзы) создал интересный и многогранный образ — это не был просто скромный и честный юноша, и в то же время это не был сформировавшийся и зрелый вождь. Какое-то особо непримиримое отношение к несправедливости, умение глубоко мыслить и видеть дальше своих товарищей выделяли Володю Ульянова из группы сверстников.

В том же году пьеса прошла в Самаркандском театре имени Х. Алимджана. Актер Ж. Зубайдуллаев уделил все внимание достижению портретного сходства. В заботе об этом во многих сценах он упустил самое главное — внутренний мир молодого Ильича. Отсюда произошло расчленение образа: в одних сценах был виден только юношеский задор Владимира, в других — решительность и принципиальность, в третьих — любовь к матери...

Другой недостаток обнаружился в андижанской постановке «Семья», где Д. Нурмухамедов, стремящийся передать процесс созревания мировоззрения Ленина, очень «убыстрил» это созревание.

Удача исполнителя роли Володи Ульянова в «Буре навстречу», недавно окончившего театральный институт Р. Авазова, заключается не только в том, что ему удалось слить внешне портретное сходство с внутренне оправданным психологическим миром студента Ульянова (а это немало); и не в том только, что он «не торопился», но и не «затормаживал» процесс мужания юного Ильича, процесс формирования его мировоззрения. В исполнении Авазова имеется ценная тенденция: стремление к единству внутренней наполненности, духовного обаяния и интеллектуальной глубины.

...Идет в спектакле пред-указанная драматургом жизнь, протекающая на Волжской пристани или в небольшом доме у рабочих на окраине Казани, в коридоре университета или на квартире Ульяновых, в кабинете ректора Казанского университета или в уголке Державинского сада. И мы неотрывно, напряженно следим за Володей — Авазовым. То он полемически остро ответит собеседнику, то энергично и страстно вмешается в драку кривоносов, сдержанно, но убежденно и достойно проведет диалог с ректором или тепло, сердечно, но решительно объяснит матери свое поведение. Сценическая жизнь Володи — Авазова как бы подчинена разнообразному и многообразному выражению того, как он наблюдает, изучает, размышляет, анализирует, делает выводы. Правда, иногда Володя кажется излишне рассудительным, где-то нарочито логичным, в ином эпизоде «демонстрирующим» экспрессию, или «изображающим» внимание. Все это естественные для молодого исполнителя «детские болезни». Но «тактическая направленность» исканий актера верна. И есть в этом исполнении еще одна ценная черта, которая «выдает» в нем юного Ильича и в то же время убедительно раскрывает его человеческий и политический облик. Это — особая общительность, особое чувство контакта Ильича с людьми.

Я внимательно слежу за ответами на юбилейную анкету «Правды Востока» «Ленин, время и мы». И в ответе на пятый вопрос: Какие черты характера Ильича вас особенно привлекают? — большинство пишет именно об этой простоте, общительности и доступности Ильича, умении находить время для каждого, находить дорогу к сердцу человека.

Авазов показывает, как легко Володя находит общий язык с разными людьми, умеет увлечь их своими идеями и извлечь уроки из встреч с ними.

Молодого актера Авазова «подкрепляет» в спектакле ряд его участников — представителей разных актерских поколений. Это подкрепление я бы назвал «запланированным» — в нем я вижу верный ход режиссуры: сделать ак-

цент на тех персонажах и обстоятельствах пьесы, которые в наибольшей мере способствовали будущему взлету ленинского гения.

Из небольшой роли Марии Александровны Ульяновой С. Ишантураева создала почти эпический образ Матери. Героико-величественный — во встрече с ректором и сердечно-трогательный в сценах с Володей. Я понимаю, как трудно на материале, данном ролью, связать воедино эти два лица, но уверен, что талант Ишантураевой осилит и эту трудность.

Из числа тех людей из народа, судьбы которых воздействуют или могли бы воздействовать (независимо от того, встречается ли с ними в спектакле Ульянов или нет) на сознание Володи, я назову крестьянина-татарина Закирьяна, с большой душевной силой воплощенного К. Ходжаевым, трагедийный образ безработного Хайдара в удачной интерпретации П. Саидкасымова, покоряющее точный характер пожилой женщины из народа Бибинур — З. Садриевой и ее трогательной вничку Зайтуну — Л. Бадаловой.

Есть актерские удачи и среди образов другого порядка, тоже одухотворенных проникновенной работой актеров, полных чувства ответственности за ленинский спектакль. Таков, например, Потапов в исполнении Т. Азизова, характер несколько неожиданный в творчестве актера и весьма полезный для его развития, ибо он уводит от штампов героического. Хитроумный «университетский жандарм» нарисован тонко, его жестокая сущность обнаруживается исподволь, ненавязчиво.

В другой манере, но весьма убедительно играет А. Турдыев шумного, темпераментного, прогрессивно настроенного профессора Преображенского.

Сложную фигуру «либеральствующего» ректора Кремлева создал С. Табибуллаев. Субъективно его ректор хочет примирить непримиримое — угодить властям и не обострять отношения с прогрессивно настроенным студенчеством. Объективно — он, конечно, и жалок

в этих стараниях, и неприятен в неизбежном двуличии, и опасен в действиях, к которым прибегает в сложной ситуации бунта.

Хотя массовые сцены еще не удалась в спектакле, смысл режиссерского решения ясен. Оно подчинено тому, чтобы в конце концов на известное утверждение пристава, сопровождавшего Ленина в тюрьму: «Ну, что вы бунтуете, молодой человек, ведь стена!», Ульянов мог ответить: «Стена, да гнилая, — тщи, и развалится!». Точно этого эпизода в пьесе нет. Но реплика пристава дана полицеймейстеру, укрощающему студенческий бунт, и ответом Володи кончается спектакль. Лучшие его сцены оказались не просто «ожившими страницами» казанского периода биографии Ленина, а страницами жизни, оживленными разумом и эмоциями актеров и режиссуры, когда прошлое, пронизанное светом сегодняшних идеалов, раскрывает исторические корни современности.

В последнее время все чаще и чаще пишут о том, что любой ленинский спектакль должен быть поставлен так, чтобы в его идейном и эмоциональном плане был напор, соответствующий чувствам и мыслям современного зрителя. Возможно, это и верно, но я хочу напомнить более элементарно звучащее, но, по-моему, очень точное пожелание выдающегося актера и режиссера Художественного театра Л. М. Леонидова:

«Нужно Ленина так сыграть, чтобы в зрительном зале современники застыли, заплакали, остолбе несли, вновь пережили — он жив!».

Не прибавляя никаких эпитетов к «Буре навстречу» — еще одной странице узбекской театральной ленинианы, — можно надеяться, что новый этап, в преддверии которого находится узбекский театр, будет связан не только с постановкой на узбекской сцене лучших из переводных пьес, но и с появлением новых произведений узбекских авторов о Ленине. Но и те, и другие должны свидетельствовать о том, что авторы, берясь за перо, а работники театра — приступая к постановке, проникли в глубины ленинской мысли, в его идейно-теоретическое наследие, приобщились к истокам, характеризующим образ Ильича, мощь его интеллекта, благородство его характера.

Без такого особого настроения ума и души немисливо прикосновение к этой теме — самой всенародной и самой сокровенной.

Я. ФЕЛЬДМАН.
Театральный обозреватель «Правды Востока».